УДК 141.319.8
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-3-735-744
EDN DOHNAD

Память в структуре индивидуальной и коллективной идентичности

Лыткин В.В., Капалин А.Н.
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
Россия, 248002, г. Калуга, ул. Ст. Разина, д. 26
akapalin85@gmail.com

Аннотация. В работе выявляются две фундаментальные линии осмысления памяти: как индивидуально-психологический феномен, связанный с душой и сознанием, и как социально конструируемое явление, лежащее в основе групповой идентичности. Последовательно рассматривается развитие понимания памяти от её античных трактовок как свойства души (Платон, Аристотель) через новоевропейское утверждение в качестве основы личностного тождества (Локк, Юм, Бергсон) к социологическому пониманию в XX веке. Особое внимание уделяется двум взаимосвязанным векторам: оригинальному вкладу русской философии (Трубецкой, Франк, Бердяев, Лосский) с её идеями о сверхвременной и надындивидуальной природе памяти и классическим теориям (Хальбвакс, Ассман, Нора, Рикер), где память рассматривается как коллективный феномен, формирующий коллективную идентичность. Сделан вывод о том, что память является активным процессом, опосредующим диалектическую связь между личным сознанием и социальным бытием и служащим фундаментальным условием для конструирования как индивидуальной, так и коллективной идентичности. Память определена как активный процесс, обеспечивающий связность личного опыта и культурной традиции, а её изучение лежит в эпицентре проблематики человеческого «Я» и исторического бытия.

Ключевые слова: память, идентичность, коллективная память, изучение памяти, философия памяти, русская философия, прошлое, забвение

Для цитирования: Лыткин В.В., Капалин А.Н. 2026. Память в структуре индивидуальной и коллективной идентичности. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право,* 51(3): 735–744. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-735-744 EDN: DOHNAD

Memory in the Structure of Individual and Collective Identity

Vladimir V. Lytkin, Andrey N. Kapalin
Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky
26 St. Razina St., Kaluga 248002, Russian Federation
akapalin85@gmail.com

Abstract. The article presents a historical and philosophical analysis of the evolution of memory concepts, revealing its key role in identity formation. Two fundamental lines of interpretation are identified: memory as an individual-psychological phenomenon linked to the soul and consciousness, and as a socially constructed phenomenon underlying group identity. The development of the understanding of memory is consistently traced from its ancient interpretations as a property of the soul (Plato, Aristotle) through its modern European affirmation as the foundation of personal identity (Locke, Hume, Bergson) to its sociological understanding in the 20th century. Special attention is paid to two interrelated vectors: the original contribution of Russian philosophy (Trubetskoy, Frank, Berdyaev, Lossky) with its ideas of the supertemporal and suprapersonal nature of memory, and the classical social constructivist theories (Halbwachs, Assmann, Nora, Ricoeur), where memory is viewed as a collective phenomenon that shapes

© Лыткин В.В., Капалин А.Н., 2026

group identity. The conclusion is drawn that memory is an active process mediating the dialectical connection between personal consciousness and social existence, serving as a fundamental condition for the construction of both personal and collective identity. In conclusion, it is argued that memory constitutes an active process ensuring the coherence of personal experience and cultural tradition, and that its study lies at the epicenter of the problematics of the human "Self" and historical being.

Keywords: memory, identity, collective memory, memory studies, philosophy of memory, Russian philosophy, past, oblivion

For citation: Lytkin V.V., Kapalin A.N. 2026. Memory in the Structure of Individual and Collective Identity. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law,* 51(3): 735–744 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-735-744 EDN: DOHNAD

Память как свойство души

Память является одной из основных психических высших функций и имеет важное значение в структуре идентичности человека.

Современные гуманитарные исследования убедительно показывают, что память является социальным явлением и наряду с индивидуальной памятью существует память коллективная. В рамках появившегося в XX веке междисциплинарного направления memory studies были разработаны основные концепции осмысления памяти как основы идентичности. Однако существующие сегодня подходы к изучению памяти и идентичности имеют богатую традицию, которая восходит к философии Античности.

В IV в. до н. э. Аристотель обращает внимание на связь памяти и времени. В трактате «О памяти и воспоминании» античный мыслитель приходит к выводу, что память присуща не всем, она связана с чувственным восприятием времени и воображением [Аристотель, 2004]. Память постижима умом и сопряжена с поступательным движением [Аристотель, 2004, с. 147] – всякий раз, когда возникает движение вещи и движение времени, человек начинает использовать память [Аристотель, 2004, с. 150]. Изучая наследие Аристотеля, П.П. Блонский отмечал, что воспоминание есть своеобразное искание, умозаключение, сделанное человеком во времени [Блонский, 1935, с. 6]. Платон считал, что память – есть то, что нужно обрести вновь. Через припоминание человек возвращает себе знание, которое душа знала до того, как воплотилась в теле, знала, изначально пребывая в мире идей [Платон, 1993, с. 30, 73d]. В то же время Платон замечает, что мало таких душ, у которых память сильна, благодаря ей у человека возникает тоска о том, что было [Платон, 1993, с. 159, 250 d]. Различие в концепциях античных мыслителей заключается в том, что Аристотель связывает память с опытом и временем, а Платон указывает на ее сверхвременную природу.

Среди средневековой традиции религиозной мысли мы считаем необходимым отметить Августина Блаженного и его «Исповедь», которая является первой попыткой автобиографии в европейской литературе. Религиозный мыслитель называет память-«желудком души», ведь именно память хранит «пищу» в виде радости и печали [Августин А., 1991, с. 249]. Память человека тесно связана с душой, в которой существует, и сопряжена с действием во времени [Августин, 1991, с. 306-]. Ф. Йетс обратила внимание на то, что Августин – христианин-платоник, и его размышления приводят к тому, что памяти присуще знание божественного [Йетс, 1997, с. 66].

Память как основа тождества личности

Идея памяти как основы идентичности человека начинает развиваться в Новое время. Англичане Дж. Локк и Д. Юм не только значительно расширили представления об идентичности, разделив идентичность человека и предмета [Орлова, 2010, с. 90; Лысак, 2017, с. 131]. В «Опыте о человеческом разумении» (1690) Дж. Локк признает, что человек состоит из материи (тела) и духа (души), и утверждает, что личностью его делает

сознание и память [Локк, 1985, С. 388]. В «Трактате о человеческой природе» (1740) Юм приходит к выводу о том, что память является важным связующим элементом идентичности человека во времени [Юм, 1996]. Идентификация личности через мышление как действие, осознание законов, память как основание – все это выводы, сделанные английскими учеными, которые сегодня продолжают составлять теоретическую основу подходов к изучению феномена идентичности и роли памяти в ее формировании.

Датский философ С. Кьеркегор в работе «Стадии жизненного пути» (1845) рассуждает о памяти, используя образ его любимого места под названием «Бухта восьми путей» (The Nook of Eight Paths) [Kierkegaard, 1988, p. 511, 526] вблизи датской коммуны Грибсков. Как пишет сам философ, это здесь он размышлял, в том числе и над тем, что память ребенка и память старика наделена разными смыслами. Опираясь на размышления датского философа, П. Хаттон пишет: «Полярные характеристики памяти проявляются, когда их рассматривают с точки зрения того или иного края жизни. Но в середине жизни они сливаются, обогащая понимание и прошлого, и будущего» [Хаттон, 2004, с. 368]. Другими словами, наше представление о прошлом определяется настоящим, даже если в основе этого представления лежат яркие образы.

Российские ученые по-разному осмысляли феномен памяти. Например, С.Н. Трубецкой рассматривал память (наравне с чувственностью и воображением) как одну из трех форм психической жизни человека [Трубецкой, 1994, с. 577]. По мнению философа, память не является особым видом или актом сознания, которую можно отделить от прочих, она развивается на родовом наследственном базисе, и памяти предшествует забвение [Трубецкой, 1994, с. 566]. Философ использовал понятия коллективной памяти и общечеловеческого знания. Воплощённая в слове коллективная память способна стать основой для дальнейшего развития науки [Трубецкой, 1994]. На сверхрвременную сущность знания и памяти обратил внимание С.Л. Франк. В работе «Душа человека. Опыт введения в философскую психологию» (1917) он выдвинул мысль о том, что в форме знания человек возвышается над временем и живет в вечности, а благодаря памяти человек возвышается над настоящим [Франк, 1917]. Забвение (в силу того, что оно вспоминаемо) есть проявление сверхвременности памяти [Франк, 1917, с. 230]. Память является совокупностью многих разнообразных явлений и черт душевной жизни и сознания [Франк, 1917, с. 182], глубокой формой единства сознания и проявлением субъектно-объективного мирка человека [Франк, 1917, с. 176].

По мнению Н.А. Бердяева, память чередуется с забвением, при этом имеет активно-преображающий характер и потому есть «таинственная сила в человеке» и «…воскрешающая сила, память хочет победить смерть» [Бердяев, 2021, с. 10]. Современный исследователь А.М. Хамидулин обращает внимание на то, что память в творчестве Бердяева есть онтологическое основание личности человека и его самосознания, тем самым подчеркивая влияние Августина Блаженного на русского философа [Хамидулин, 2024, с. 130]. Однако в творчестве Бердяева представлен не только нарратив индивидуальной памяти. В работе «Смысл истории» (1923) мыслитель вводит понятие «историческая память» и исследует ее как коллективную духовную активность. Человек находит истинную реальность через «внутреннее приобщение судеб своего индивидуального духа к судьбам истории» [Бердяев, 2002, с. 25]. Память хранит «отчее начало», без нее «человечество пребывало бы в клочьях времени, в разорванных мгновениях времени, без всякой связи времен» [Бердяев, 2002, с. 75]. Сегодня понятие «исторической памяти» трактуется как одно из измерений индивидуальной и коллективной памяти и исследуется как сложный социокультурный феномен. Она не только является основным каналом передачи опыта прошлого, но и служит фундаментом самоидентификации человека и общества [Репина, 2017, с. 10]. Мы не утверждаем, что сегодняшнее представление об исторической памяти основано на тезисе Н.А. Бердяева, однако мы считаем необходимым обратить внимание на их схожесть.

Память как философская проблема

Французский философ А. Бергсон в своей книге «Материя и память» (1896) исследует роль тела в духовной жизни человека. Он заявил, что проблема памяти является «привилегированной проблемой». Концепция памяти, выдвинутая Бергсоном, предполагает одновременное существование памяти-привычки (она разыгрывает прошлый опыт) и настоящей памяти (она хранится в виде образов в сознании) [Бергсон, 1999, с. 565]. Прошлое по Бергсону переживает себя в двух формах – двигательных механизмах и воспоминаниях [Бергсон, 1999, с. 480], где дух черпает восприятия из материи, а возвращает его материи в виде движения [Бергсон, 1999, с. 668]. Поэтому наше осознание настоящего – уже память, которая связана с действием во времени и пространстве, прошлое остается в нашей памяти таким, каким оно было для нас.

Н.О. Лосский отчасти разделял взгляды Бергсона на природу памяти, ее неразрывную связь с фантазией и утверждал, что есть «непосредственное созерцание субъектом своего прошлого как такового» [Лосский, 1991, с. 291]. Его концепция «идеального бытия» включает в себя все то, что не имеет ни пространственного, ни временного характера, а связь между прошлым и будущем основана на активных действиях на основе прошедшего, пережитого опыта [Лосский, 1991, с. 292]. Можно согласиться с О.М. Ростовской, которая утверждает, что в памяти Лосский видел устанавливающееся глубокое единство субъекта с миром, а во взаимосвязи восприятия и воспоминания – проявление актов единого духовного процесса [Ростовская, 2020, с. 6].

Взаимосвязь мышления и памяти изучал П.П. Блонский. В труде «Память и мышление» (1935) он стремился доказать несколько основополагающих тезисов. Развитие памяти стадиально [Блонский, 1935, с. 198], память наиболее сложная форма мышления. Через речь воспоминания становятся «думающими», то есть наделяются смыслами, и в речевом акте мышление и память становятся неразделимы [Блонский, 1935].

В книге *Marking the Mind: a history of memory* К. Данцигер ставит вопрос о том, что рассуждения ученых об эволюции памяти как когнитивной способности человека практически не пролили света на развитие человеческой памяти в истории. Данцигер поступательно развивает тезис о том, что функционирование индивидуальной памяти подвержено историческим изменениям, она не только тесно связана с исторически меняющимися формами внешней памяти, но и выполняет свою работу на службе задач, параметры которых устанавливаются меняющимися социальными требованиями и условностями [Danziger, 2008, p. 4]. Данцигер обращает внимание на то, что память представляет собой обширное поле для исследований междисциплинарного характера, не ограниченного лишь исследованием теорий о памяти, он призывает исследовать само историческое формирование памяти как концепции [Danziger, 2008, p. 12]. В конечном итоге ученый приходит к выводу о том, что исторически менялись как основное значение термина «память», так и рамки того, что определяло его содержательное наполнение.

Память и коллективная идентичность

Французский ученый М. Хальбвакс сделал исследовательский акцент на социальной природе памяти и ее влиянии на восприятие идентичности. Он утверждал, что память отдельного человека редко точно воспроизводит событие прошлого, поэтому память – это коллективное явление. Представления о прошлом, присущие определенным социальным группам, ограничиваются рамками в виде идей и коллективных представлений. Именно они позволяют воссоздать конкретному индивиду образы прошлого и идентифицировать себя с ним [Хальбвакс, 2007, с. 28]. Хальбвакс считал, что индивидуальная память «…не вполне изолирована и закрыта. Чтобы воскресить в памяти собственное прошлое, человеку часто приходится обращаться к чужим воспоминаниям. Он полагается на опорные точки, существующие вне его и установленные обществом. Более того,

функционирование индивидуальной памяти невозможно без этих инструментов – слов и идей, не придуманных индивидом, а заимствованных им из его среды» [Хальбвакс, 2005, с. 8]. Реконструкция воспоминаний зависит от общественной установки, события ретушируются и подчищаются, при этом человек убежден в их подлинности [Хальбвакс, 2007, с. 183] и, по меткому замечанию Д. Лоурэнталя, мы «…нуждаемся в воспоминаниях других людей для того, чтобы подтвердить собственную память и придать ей устойчивость» [Лоуэнталь, 2004, с. 312]. Ключевой тезис Хальбвакса заключается в том, что одновременно существует внутренняя (личная) и внешняя (коллективная) память. Вторая память накладывается на первую, приписывая события, общие для социальной группы индивидуальной памяти, лишь спустя некоторое время: «социальное время – совершенно внешнее по отношению к тому времени, которое переживается сознанием» [Хальбвакс, 2005, с. 10]. Ключевую роль памяти как ядра коллективной идентичности рассматривает Я. Ассман [2004]. По мнению Ассмана, дискурс о памяти ведется в контексте воспоминания в трех составляющих: воспоминания как обращения к прошлому, идентичности как политическому воображению и культурной преемственности как складыванию традиции. Социальные рамки организуют содержание памяти, а также сроки его хранения [Ассман, 2004, с. 15]. Дополняя идеи Хальбвакса о коллективной памяти, Ассман выводит ее закономерность. Он утверждает, что любая сплачивающаяся группа стремится создать и обеспечить за собой места, которые становятся для нее воспоминаниями, сценой совместной деятельности и символами идентичности [Ассман, 2004, с. 40]. Тем самым память не только воссоздает прошлое, но и организует переживание настоящего и будущего.

Концептуально идею памяти как социального явления развивает в своих трудах французский историк П. Нора. Разработанная им в середине 80-х годов XX века концепция «мест памяти» по сути соединила память как свойство человека и общества с историей: «Переход от памяти к истории заставил каждую социальную группу дать новое определение своей идентичности через оживление ее собственной истории. Жажда помнить превращает каждого в историка самого себя» [Нора, 1999, с. 32]. Место памяти – это не только памятники материальной культуры, это коллективное действие, выраженное в традициях праздников, это речи по поводу знаменательных событий. Нора справедливо замечает, что «отчуждение частной памяти из общей памяти… возлагает на каждого обязанность помнить себя и превращает обнаружение принадлежности в принцип и секрет идентичности» [Нора, 1999, с. 34]. Сформулировав четыре исторических этапа эволюции памяти (королевская память, память государства, память нации и память граждан), Нора приходит к выводу, что процесс трансформации памяти приводит к формированию памяти-наследия [Нора, 1999], которая и становится основой национальной идентичности.

Х. Уайт разделяет понятия «исторического» и «практического». Он считает, что в то время, как историческое прошлое основано на реконструкциях ученых историков, человек опирается на прошлое в практических целях для принятия как личных, так и совместных решений. Уайт приходит к выводу, что практическое прошлое может быть осмыслено как пространство опыта и проявление в акте выбора, тем самым оно оказывает влияние на идентичность [Уайт, 2024].

Еще одним исследователем, который утверждал, что проблема памяти переплетена с проблемой идентичности, стал французский философ П. Рикер. По его мнению, память обеспечивает временную непрерывность и тем самым идентичность личности [Рикер, 2004, с. 137], и в то же время идентичность может формироваться только во временном измерении человеческого существования [Рикер, 2007, с. 142]. Подробно исследовав концепцию Рикера, Ж-М. Тета пришел к выводу, что личная идентичность – «это не некая естественная данность сознания, а результат, опосредованный «рассказами», нарративами, понятыми как разнообразные модели повествовательной конфигурации действия» [Тета, 2012, с. 101].

Память и идентичность в современных исследованиях

Отечественные исследования в области памяти носят междисциплинарный характер и концептуально продолжают линию ранее проводимых исследований.

В результате реализации программы фундаментальных исследований президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» (2015–2017) появилась коллективная монография, в которой были обобщены результаты исследований в области памяти и идентичности от ведущих российских ученых, появилась монография, посвященная проблемам российской идентичности и памяти [Тишков, Ливнева, 2018]. Авторами монографии коллективная (социальная) память рассматривается комплексно, с акцентом на её конструируемый, социально обусловленный характер [Тишков, Ливнева, 2018], а идентичность понимается авторами как исторически формируемая сущность, где память для нее становится «строительным материалом» [Тишков, Ливнева, 2018, с. 6].

В.Д. Губин обращает внимание на то, что память не является автоматическим наследием, но в своем истоке она есть сверхчеловеческая способность [Губин, 2017, с. 11, с. 191]. По мнению ученого, память есть усилие: «…нужно войти в соответствующее состояние и удерживаться в нем достаточно долгое время, время, за которое замкнутся все связи и выкристаллизуется образ предмета или события, которое дополнит наше духовное состояние, станет его необходимой частью» [Губин, 2017, с. 11]. Память есть Вселенная духа, она делает нас свободными, она есть состояние свободы, онтологическое начало в человеке, проявление бытия, память управляет человеком [Губин, 2017, с. 16]. В то же время человек – «…это, как правило, существо, лишенное памяти. Или, лучше сказать, со слабо развитой индивидуальной памятью и сильно развитой памятью родовой» [Губин, 2017, с. 173], потому забвение – не недостаток, а необходимый процесс, позволяющий памяти оставаться живой и актуальной.

Е.В. Малышкин утверждает, что память, как и любое понятие, глубоко метафорично. Две основные метафоры памяти: след (память как отпечаток, хранилище) и проект (память как активное конструирование, набросок) – определяют способы её понимания в разные эпохи [Малышкин, 2011, с. 121]. По мнению исследователя, память ставит идентичность под вопрос: «…Казалось бы, память должна выстраивать мою идентичность, однако, углубляясь в собственную память и заглядывая в ее бездонность, я лишаюсь всякой надежды на самость. Лелея автономию, помнящий будет обращаться к тому, что не есть он сам... Располагаясь среди разнообразия обстоятельств, благодаря которым память осуществляется, помнящий заведомо оказывается вне себя» [Малышкин, 2011, с. 21]. Утверждая, что «...личность в привычном нам новоевропейском смысле производится не столько памятью, сколько историей, то есть как раз тем, что не имеет ни автономии, ни длительности: личность формируется прохождением времени и определяется как то, в отношении к кому время, наполненное такими-то и такими-то событиями, прошло» [Малышкин, 2011, с. 17], ученый приводит к выводу о том, что идентичность – продукт не памяти, а истории. Память принадлежит длительности, а идентичность – времени, она находится между памятью и забвением, длительностью и историей, личным и безличным.

А.И. Макаров выделяет категорию «надындивидуальная память», которую можно считать расширенной и философски углублённой версией коллективной памяти [Макаров, 2009]. По мнению исследователя, «надындивидуальная память» и «социальная память» – наиболее похожие понятия, однако «…есть и различие: термин "социальная память" акцентирует внимание на социально-коммуникативном аспекте… тогда как термин "надындивидуальная память" указывает, в том числе, и на структурный момент феномена культурного наследования» [Макаров, 2009, с. 8]. Тем самым он включает в свое понятие «коллективную память» Хальбвакса, «культурную память» Ассмана, социальную память и сверхвременную память. Поэтому надындивидуальную память можно считать расширенной и философски углублённой версией коллективной памяти.

Концептуализируя прошлое как один из способов организации времени, К.П. Шевцов утверждает, что память – это не архив, а живой процесс, в котором прошлое постоянно пересматривается, вторгается в настоящее и формирует субъекта. Она связана с воображением, символизацией, утратой и необратимостью, а её природа меняется в зависимости от культурных и медийных условий [Шевцов, 2013]. По мнению исследователя, парадокс памяти заключается в том, что настоящее нуждается именно в памяти, воспроизводящей прошлое как прошлое [Шевцов, 2018]. Память является полем борьбы между индивидуальным опытом и коллективными мифами, где ключевую роль играют утрата, требование признания и травма.

Память есть взаимопроникновение, диалектическая связь индивидуального и коллективного. Через индивидуальную память тревоги и чаяния человечества утверждаются в событиях личной жизни – так «всеобщее утверждает себя в частном» [Маркузе, 2004, с. 121]. При помощи памяти связывается настоящее с прошлым, поддерживается нить непрерывности как индивидуальной, так и коллективной идентичности. Она позволяет хранить даже то, что, казалось бы, уже безвозвратно потеряно. При этом для индивидуальной памяти забвение не является недостатком, оно есть «естественная "защитная" реакция бессмысленных и глупых перегрузок» [Ильенков, 2024, с. 61]. Однако сколь угодно можно стремиться придать забвению «неудобное» прошлое, но оно все равно будет напоминать о себе как на индивидуальном, так и на коллективном уровне.

Мыслители разных эпох считали, что память связывает человека с самим собой во времени и пространстве. С одной стороны, ее индивидуальная природа неразрывно связана с представлениями о душе. Идеи о сверхвременности и коллективности указывают на всеобщее начало памяти, ее способность объединять и делать человека похожим на себе подобных. С другой стороны, память как мнемический процесс содержит материальную сущность. Ведь человек способен «…переживать наивно прекрасную стадию своего духовного развития лишь в залах музеев…» [Ильенков, 2024, с. 35], а память, хранимая в культуре, «..предстает как "воплощенный идеал" или как идеал, скорректированный естественно-природными (а потому непреодолимыми) свойствами того материала, в котором он воплощен» [Ильенков, 2024, с. 33].

Память живет в слове и знании, она проявляется в акте человеческой коммуникации, возникает в процессе действия людей и созданных ими общественных институтов, что означает ее определяющую роль в структуре индивидуальной и коллективной идентичности.

Список литературы

Августин А. 1991. Исповедь. М., ИВО-СиД, 488 с.

Аристотель. 2004. Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти. СПб., Изд-во С.-Петерб. ун-та, 183 с.

Ассман Я. 2004. Культурная память: письмо, память о прошлом и полит. идентичность в высоких культурах древности. М., Языки славянской культуры, 363 с.

Бергсон А. 1999. Творческая эволюция. Материя и память. Минск, Харвест, 1408 с.

Бердяев Н.А. 2021. Самопознание. М., Эксмо, 544 с.

Бердяев Н.А. 2002. Смысл истории. Новое средневековье. М., Канон+, 448 с.

Блонский П.П. 1935. Память и мышление. М., Ленинград, Государственное Социально-экономическое издательство, 214 с.

Губин В. Д. 2017. Метафизика памяти. М., РГГУ, 193 с.

Ильенков Э.В. 2024. Школа должна учить мыслить! В кн.: Ильенков Э.В. Собрание сочинений. Том 3. М., Канон +: 57–83.

Ильенков Э.В. Проблема идеала в философии. В кн.: Ильенков Э.В. Собрание сочинений. Том 3. М., Канон +: 18–57.

Историческая память и российская идентичность. 2018. М., Российская академия наук, 508 с.

История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. 2006. М., Кругъ, 768 с.

Йетс Ф. 1997. Искусство памяти. СПб., Университетская книга, 478 с.
Локк Дж. 1985. Опыт о человеческом разумении. В кн.: Локк Дж. Сочинения в 3-х т., Т. I. М., Мысль, 621 с.
Лосский Н.О. 1991. История русской философии. М., Советский писатель, 480 с.
Лоуэнталь Д. 2004. Прошлое-чужая страна. СПб., Владимир Даль: Русский Остров: Фонд Университет, 623 с.
Лысак И.В. 2017. Идентичность: сущность термина и история его формирования. Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 38: 130–138.
Макаров А.И. 2016. Феномен надындивидуальной памяти (образы – концепты рефлексия). Волгоград, Изд-во ВолГУ, 216 с.
Малышкин Е.В. 2011. Две метафоры памяти СПб., Изд-во С.-Петерб. ун-та, 246 с.
Маркузе Г. 1994. Одномерный человек. М., REFL-book, 368 с.
Нора П. 1999. Франция-память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 333 с.
Орлова Э.А. 2010. Концепции идентичности/идентификации в социально-научном знании. *Вопросы социальной теории: Научный альманах:* 87–111.
Платон. 1993. Федон. В кн.: Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. М., Мысль: 7–81.
Платон. 1993. Федр. В кн.: Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. М., Мысль: 135–192.
Рикер П. 2004. Память. История. Забвение. М., Издательство гуманитарной литературы, 728 с.
Рикер П. 2008. Я – сам как другой. Пер. с франц. М., Издательство гуманитарной литературы, 422 с.
Ростовская О. М. 2020. Интерпретации феномена памяти в русской философии второй половины XIX - первой половины XX. *Власть и общество*, 5(14): 4–7.
Тета Ж-М. 2012. Нарративная идентичность как теория практической субъективности. К реконструкции концепции поля Рикёра. *Социологическое обозрение*, 11 (2): 100–121.
Трубецкой С.Н. 1994. О природе человеческого сознания. М., Мысль, 817 с.
Уайт Х. 2024. Практическое прошлое. М.. Новое литературное обозрение, 192 с.
Франк С.Л. 1917. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. М., Издание Г. А. Лемана и С. М. Сахарова, 253 с.
Хальбвакс М. 2005. Коллективная и историческая память. *Неприкосновенный запас*, 2–3 (40–41): 8–27.
Хальбвакс М. 2007. Социальные рамки памяти. М., Новое издательство, 346 с.
Хамидулин А.М. 2024. Философия история Н.А. Бердяева в контексте memory studies. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки,* 4: 130–137.
Хаттон П. 2004. История как искусство памяти. СПб., Владимир Даль: Русский Остров: Фонд Университет, 425 с.
Шевцов К. П. 2018. Философия памяти. СПб., Издательство РХГА, 408 с.
Шевцов К.П. 2013. Воображаемое прошлое. О памяти и категории прошлого. *Международный журнал исследований культуры*, 2 (11): 81–85.
Юм Д. 1996. О познании. Трактата о человеческой природе. В кн.: Юм Д. Сочинения в 2 т. Т.1. М., Мысль: 61–326.
Danziger K. 2008. Marking the Mind: a history of memory. Cambridge, Cambridge University Press, 322 p.
Kierkegaard S. 1988. Stages on life's way. Studies by various persons. New Jersey, Princeton University Press Princeton, 780 p.

References

Avgustin A. 1991. Ispoved'. [Confession]. Moscow, IVO – SiD, 488 p.
Aristotel'. 2004. Protreptik. O chuvstvennom vospriyatii. O pamyati. [Protreptic. About sensory perception. About memory]. SPb., Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 183 p.
Assman Ya. 2004. Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i polit. identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti. [Cultural memory: writing, memory of the past and politics. identity in the high cultures of antiquity]. Moscow, Publ. Yazyki slavyanskoi kul'tury, 363 p.
Bergson A. 1999. Tvorcheskaya evolyutsiya. Materiya i pamyat'. [Creative evolution. Matter and memory]. Minsk, Kharvest, 1408 p.
Berdyaev N.A. 2021. Samopoznanie. [Self-knowledge]. Moscow, Publ. Eksmo, 544 p.
Berdyaev N.A. 2002. Smysl istorii. Novoe srednevekov'e. [The meaning of history. New Middle Ages]. Moscow, Publ. Kanon+, 448 p.
Blonskii P.P. 1935. Pamyat' i myshlenie. [Memory and thinking]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe Sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 214 p.

Gubin V. D. 2017. Metafizika pamyati. [Metaphysics of memory]. Moscow, Publ. RGGU, 193 p.

Il'enkov E.V. 2024. Shkola dolzhna uchit' myslit'! [School should teach how to think!]. In: Sobranie sochinenii Tom 3. [Ilyenkov E.V. Collected works. T. 3.]. Moscow, Publ. Kanon +: 57-83.

Il'enkov E.V. 2024. Problema ideala v filosofii. [The problem of the ideal in philosophy]. In: Sobranie sochinenii Tom 3. [Ilyenkov E.V. Collected works. T. 3.]. Moscow, Publ. Kanon +: 18–57.

Istoricheskaya pamyat' i rossiiskaya identichnost'. 2018. [Historical memory and Russian identity]. Moscow, Rossiiskaya akademiya nauk, 508 p.

Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni. 2006. [History and memory: historical culture of Europe before the beginning of modern times]. Moscow, Publ.Krug, 768 p.

Iets F. 1997. Iskusstvo pamyati. [The Art of Memory]. St. Petersburg, Universitetskaya kniga, 478 p.

Lokk Dzh. 1985. Opyt o chelovecheskom razumenii. [An Essay Concerning Human Understanding]. In: Sochineniya v 3-kh t. T. I. [Locke J. Works in 3 volumes, T. I]. Moscow, Publ. Mysl', 621 p.

Losskii N.O. 1991. Istoriya russkoi filosofii. [History of Russian philosophy]. Moscow, Publ. Sovetskii pisatel', 480 p.

Louental' D. 2004. Proshloe-chuzhaya strana. [The Past Is a Foreign Country]. St. Petersburg, Vladimir Dal', Russkii Ostrov, Fond Universitet, 623 p.

Lysak I.V. 2017. Identichnost': sushchnost' termina i istoriya ego formirovaniya. [Identity: The Essence of the Term and the History of Its Formation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 38: 130–138.

Makarov A.I. 2016. Fenomen nadyndividual'noi pamyati (obrazy – kontsepty refleksiya). [The Phenomenon of Supra-individual Memory (Images – Concepts – Reflection)]. Volgograd, Publ. VolGU, 216 p.

Malyshkin E.V. 2011. Dve metafory pamyati. [Two Metaphors of Memory]. St. Petersburg, Publ. Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 246 p.

Markuze G. 1994. Odnomernyi chelovek. [One-Dimensional Man]. Moscow, Publ. REFL-book, 368 p.

Nora P. 1999. Frantsiya-pamyat'. [France-Memory]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 333 p.

Orlova E.A. 2010. Kontseptsii identichnosti/identifikatsii v sotsial'no-nauchnom znanii. [Concepts of Identity/Identification in Social Science Knowledge]. *Voprosy sotsial'noi teorii: Nauchnyi al'manakh*: 87–111.

Platon. 1993 Fedon. [Phaedo]. In: Platon. Sobranie sochinenii v 4-kh tomakh. T. 2. [Plato. Collected Works in 4 Volumes. T. 2]. Moscow, Publ. Mysl': 7–81

Platon. 1993. Fedr. [Phaedrus]. In: Platon. Sobranie sochinenii v 4-kh tomakh. T. 2. [Plato. Collected Works in 4 Volumes. T. 2.. Moscow, Publ. Mysl': 135–192

Riker P. 2004. Pamyat'. Istoriya. Zabvenie. [Memory, History, Forgetting]. Translated from the Frenc. Moscow, Publ. Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury, 728 p.

Riker P. 2008. Ya - sam kak drugoi. [Oneself as Another]. Translated from the Frenc. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury, 422 p.

Rostovskaya O. M. 2020. Interpretatsii fenomena pamyati v russkoi filosofii vtoroi poloviny XIX- pervoi poloviny XX. [Interpretations of the Phenomenon of Memory in Russian Philosophy of the Second Half of the 19th and First Half of the 20th Centuries]. *Vlast' i obshchestvo,* 5(14): 4–7.

Teta Zh-M. 2012. Narrativnaya identichnost' kak teoriya prakticheskoi sub"ektivnosti. K rekonstruktsii kontseptsii polya Rikera. [Narrative Identity as a Theory of Practical Subjectivity: Towards a Reconstruction of the Field Concept. Ricoeur]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 11 (2): 100–121.

Trubetskoi S.N. 1994. O prirode chelovecheskogo soznaniya. [On the Nature of Human Consciousness]. Moscow, Publ. Mysl', 817 p.

Uait Kh. 2024. Prakticheskoe proshloe. [The Practical Past]. Moscow, Publ. Novoe literaturnoe obozrenie, 192 p.

Frank S.L. 1917. Dusha cheloveka. Opyt vvedeniya v filosofskuyu psikhologiyu. [The Soul of Man: An Essay on Introduction to Philosophical Psychology]. Moscow, Publ. Izdanie G. A. Lemana i S. M. Sakharova, 253 p.

Khal'bvaks M. 2005. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'. [Collective and Historical Memory]. *Neprikosnovennyi zapas,* 2-3 (40-41): 8–27.

Khal'bvaks M. 2007. Sotsial'nye ramki pamyati. [The Social Frameworks of Memory]. Moscow, Publ. Novoe izdatel'stvo, 346 p.

Khamidulin A.M. 2024. Filosofiya istoriya N.A. Berdyaeva v kontekste memory studies. [N.A. Berdyaev's Philosophy of History in the Context of Memory Studies]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki,* 4: 130-137.

Khatton P. 2004. Istoriya kak iskusstvo pamyati. [History as the Art of Memory]. St. Petersburg, Vladimir Dal', Russkii Ostrov, Fond Universitet, 425 p.

Shevtsov K.P. 2018. Filosofiya pamyati. [Philosophy of Memory]. St. Petersburg, Izdatel'stvo RKhGA, 408 p.

Shevtsov K.P. 2013. Voobrazhaemoe proshloe. O pamyati i kategorii proshlogo. [The Imaginary Past: On Memory and the Category of the Past.]. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovanii kul'tury,* 2 (11): 81–85.

Yum D. 1996. O poznanii. Traktata o chelovecheskoi prirode. [On Knowledge. A Treatise of Human Nature]. In: Yum D. Sochineniya v 2 t. T.1. [Hume D. Works in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Publ. Mysl': 61–326.

Danziger K. 2008. Marking the Mind: a history of memory. Cambridge, Cambridge University Press, 322 p.

Kierkegaard S. 1988. Stages on life's way. Studies by various persons. New Jersey, Princeton University Press Princeton, 780 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 13.01.2026
Поступила после рецензирования 13.04.2026
Принята к публикации 31.08.2026

Received January 13, 2026
Revised April 13, 2026
Accepted August 31, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лыткин Владимир Владимирович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, культурологии и социологии, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга, Россия.

Капалин Андрей Николаевич, аспирант кафедры философии, культурологии и социологии, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir V. Lytkin, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Culture and Sociology, Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga, Russia.

Andrey N. Kapalin, Postgraduate Student, Department of Philosophy, Cultural Studies, and Sociology, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia.